

Пегас

ПЛАМЯ
ОЛИМПА

КЕЙТ О'ХИРН

Кейт О'Хирн

Пегас. Пламя Олимпа

Серия «Пегас», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/51685091>

К. О'Хирн. Пегас. Пламя Олимпа: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2020

ISBN 978-5-17-118938-9

Аннотация

< p >Жизнь тринадцатилетней Эмили меняется навсегда: во время страшного шторма на крышу ее нью-йоркского дома падает настоящий крылатый жеребец – Пегас. Мифы и сказания оказываются реальностью. И Эмили неожиданно-негаданно попадает в самый центр эпического противостояния между богами Древнего Рима и свирепыми каменными воинами нирадами.**< / p >** **< p >**Безжалостными варварами движет слепая тяга к разрушению: в их силах сокрушить и легендарный Олимп, и современный мир людей. А обычной девочке предстоит объединить небожителей и смертных, чтобы сберечь Пламя Олимпа и спасти все, что ей дорого.**< / p >**

Содержание

Благодарности	5
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кейт О'Хирн

Пегас. Пламя Олимпа

Kate O'Hearn

Pegasus and the Flame

© 2011 by Kate O'Hearn

© М. Б. Полещук, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Благодарности

Как обычно, без поддержки и любви моей семьи, моих потрясающих редакторов Энн и Наоми и моего экстраординарного агента V эта книга никогда не увидела бы свет. Спасибо вам, друзья. Вы лучшие! (ОТБ навсегда).

Я также хочу посвятить эту книгу лошадям по всему свету: особенно тем, кто страдает от тяжелого труда и жестокого обращения. Хотела бы я, чтобы Пегас пришел и спас вас всех. Но до того дня все заботы о том, чтобы сделать вашу жизнь лучше, ложатся на наши плечи.

Мой дорогой читатель, пожалуйста, когда и где бы ты их ни встретил – помоги. Измученные лошади повсюду ждут твоих любви и поддержки.

Пролог

Война пришла на Олимп.

Без предупреждения. Без намека на то, что неизвестный враг собирает против них армию: армию, единственная цель которой – полное уничтожение. Еще вчера здесь царил мир, а сегодня они бились за выживание. Кровавое, жестокое и совершенно неожиданное нападение.

Но для одного олимпийца оно стало прекрасной возможностью осуществить его мечту.

Пэйлин нырнул за мраморную колонну и принялся наблюдать за тем, как лучшие олимпийские воины собираются на битву с захватчиками. Юпитер возглавлял их, вооружившись громом и молниями. Его жена, Юнона, с суровым лицом стояла наготове по левую руку от супруга. По правую руку возвышался могучий Геркулес, готовый к битве, и Аполлон вместе с сестрой-близнецом Дианой, которая сжимала в руке свой прославленный лук. К войску присоединились и Марс, и Вулкан с целым арсеналом. За их спинами, в крылатых сандалиях и шлеме, стоял Меркурий, посланник Олимпа.

Все готовились к бою.

Пэйлин перевел взгляд на Пегаса. Глаза жеребца сверкнули, крылья задрожали. Он в нетерпении бил золотым копытом о землю, предвкушая скорую битву. Позади него собра-

лись остальные олимпийцы, вставшие на защиту своего дома.

Но Пэйлин вовсе не собирался сражаться. Он не воин, а вор с собственным четким планом, в который совершенно не укладывалась смерть на поле брани в битве, которую невозможно выиграть. Война – проблема для всех остальных. Он же был слишком занят тем, чтобы извлечь из нее выгоду. Пока защитники сражаются с ни-радами, вор может спокойно войти в царские палаты Юпитера и взять все, что пожелает.

Хотя сокровища Юпитера Пэйлина не интересовали. Что он хотел заполучить – больше всего на свете – так это сияющую золотом уздечку Пегаса.

Каждый на Олимпе знал, что уздечка – величайшее сокровище из всех. Она была ключом к обретению власти над могучим крылатым скакуном. Управляя Пегасом, Пэйлин мог бы отправиться в любое место по собственному желанию и заполучить все, на что только упадет его глаз. И никто не смог бы остановить его. Вот он, настоящий трофей, а не дурацкие драгоценности или золотые монеты, которые можно найти в любом заброшенном дворце.

Когда Юпитер призвал своих соратников, Пэйлин подкрался ближе, чтобы послушать его отчаянную речь.

– Дети мои, пробил чернейший час, – степенно произнес бог. – Никогда прежде мы не сталкивались с такой ужасной опасностью. Нирадские бойцы пересекли наши границы. Прямо сейчас они направляются к Пламени Олимпа. Если

им удастся погасить его, все наши силы, все наши знания канут в Лету. Мы должны остановить их. Пламя – само наше существование. Мы не можем позволить врагам подобраться к нему. Если мы не выступим против них сейчас, все, что так дорого нашим сердцам, будет разрушено.

Пэйлин прислушался к шепотку, пробежавшему по толпе, и почувствовал, как нарастает напряжение. Его глаза, не отрываясь, следили за Пегасом. Жеребец тряхнул головой и фыркнул, отчего его золотая уздечка зазвенела, – чарующий звук, которого не издавало никакое другое кованое золото в мире.

Заслышав пение уздечки, Пэйлин ощутил в пальцах знакомый зуд: скорее добраться и стянуть ее с жеребца. Но он сдержался. Время еще не пришло. Темные глаза вновь обратились к отчаявшемуся предводителю.

– Мы, те, кто не может умереть, смотрим в лицо собственной гибели, – продолжил Юпитер. – Но сегодня мы должны отстоять не только наш мир. Остальные миры, что находятся под нашей защитой, падут, если нирады одержат над нами верх. Так сразимся же за них!

Юпитер вскинул молнии к небу, и их свирепый рев эхом разнесся по Олимпу.

– Пойдете ли вы со мной?! – вскричал громовержец. – Восстанете ли против захватчиков, чтобы отправить их туда, откуда они явились?!

Глаза Пэйлина округлились, когда он увидел, как все

олимпийцы воздевают руки к Юпитеру. Пегас встал на дыбы и расправил крылья, приветствуя решимость защитников. Воздух загудел от боевых выкриков.

– За Олимп! – взревел Юпитер, развернулся и повел свое войско на битву.

Глава 1

Эмили положила руку на окно и почувствовала, как дрожит стекло от тяжелых раскатов грома, сотрясающих небеса.

Весь день по радио сообщали о неожиданных и яростных штормах, бушевавших на всем протяжении Восточного побережья Соединенных Штатов. В сердце Нью-Йорка, как раз там, где жила Эмили, шторм разошелся особенно сильно. Сидящая одна в квартире, которую она делила с отцом-полицейским, девочка и представить не могла, что обычная гроза может быть настолько страшной.

Сжав покрепче мобильник, она почувствовала себя виноватой из-за того, что соврала отцу. Он только что звонил, чтобы проведать ее.

– Всех полицейских подняли на ноги, дорогая, – объяснил он. – Работаем в две-три смены. Из-за погоды город превратился в сумасшедший дом, так что дежурят все. Сделай мне одолжение, ладно? Держись подальше от окон. Молнии бьют по всему городу, а наша квартира на верхнем этаже – в самой зоне риска.

И все же, несмотря на предупреждения и обещания не подходить к большому окну, Эмили уселась у него и смотрела на бушующий шторм. Это место любила мама. Она называла его своим «наместом»: особым наблюдательным пунктом за миром, который продолжал свой извечный бег два-

дцатью этажами ниже. С тех пор как мама умерла, Эмили все чаще и чаще замечала, что сидит на ее месте, как будто это каким-то образом сближало их.

Кроме того, с этой точки девочка могла видеть верхушку Эмпайр-стейт-билдинг, страдающего от натиска шторма. Однажды отец рассказал ей, что это здание работает как гигантский громоотвод, защищая другие постройки вокруг себя. Но, чем больше ветвистых молний било в высокую антенну, тем настойчивее Эмили задавалась вопросом, сколько еще ударов она сможет выдержать.

Девочка обняла себя за колени и прижала их груди, пытаясь унять дрожь. Она ничуть не боялась грозы, пока мама была жива. Так или иначе они находили способы сделать отвратительную погоду веселой и захватывающей. Но сейчас, оставшись с занятым на работе отцом, Эмили переживала утрату матери так же остро, как и в тот день, когда ее не стало.

– Хотела бы я, чтобы ты была здесь, мам, – грустно прошептала девочка, глядя в окно.

Как и бесчисленное число раз прежде, ее глаза наполнились слезами, которые вскоре побежали по щекам.

Внезапно раздался особенно громкий раскат грома, и небо озарила ослепительная вспышка молнии. Она ударила в Эмпайр-стейт с такой силой, что антенна на вершине здания взорвалась искрами электричества и разлетелась на кусочки.

Эмили едва могла поверить в то, чему только что стала

свидетелем. Она как раз вытирала наполненные слезами глаза, когда все огни в небоскребе мигнули и погасли. А следом – и во всех зданиях вокруг. Электричество отключалось, и темнота разливалась по городу, как пятно от пролитого на ковер виноградного сока.

Эмили следила за волной отключений, вглядываясь в Бродвей. Квартал за кварталом погружался во тьму. Гасли даже уличные огни и светофоры. Вскоре перебои с электричеством достигли и ее квартала: свет во всем доме потух. Девочка прильнула к стеклу и попыталась разглядеть границу, на которой темнота остановилась. Но не смогла. Весь огромный мегаполис погрузился во мрак.

Внезапно ожил мобильник, и Эмили подскочила. Трясущимися руками она откинула крышку и прочла на маленьком экране имя отца.

– Папа! – закричала девочка. – Ты не поверишь, что сейчас произошло! Верхушка Эмпайр-стейт только что взорвалась! В нее ударила молния. Обломки разлетелись во все стороны!

– Я уже слышал, – с тревогой сказал отец. – Ты в порядке? В наш дом что-нибудь попало?

– Нет, все нормально, – ответила Эмили, скрывая, что сама она далеко не в норме: на самом деле ей уже начинало становиться очень страшно. – Но свет отключился. Насколько я вижу, по всему городу.

В трубке фоном послышался чей-то голос. Отец выругал-

ся в сторону, прежде чем ответить ей:

– Мы получаем сообщения о том, что отключение затронуло все районы и уже добралось до Нью-Джерси. Большая проблема, Эм. И, судя по тому, что мне только что сказали, быстро ее не решат. Прямо сейчас наполни ванну водой. Потом набери во все емкости на кухне. Неизвестно, как долго это продлится, так что вода нам точно понадобится.

– Сделаю, – пообещала девочка и, не успев совладать с порывом, слабо спросила: – Папа, когда ты приедешь домой?

– Не знаю, дорогая, – ответил отец. – Надеюсь, что скоро. Слушай: хочешь, я позвоню тете Морин и попрошу приехать к тебе?

Эмили любила тетю, но не хотела вести себя как ребенок. В конце концов, ей тринадцать: вполне достаточно, чтобы самой о себе позаботиться.

– Нет, спасибо, пап. Все хорошо.

– Точно? – переспросил отец. – Уверен, она будет не против составить тебе компанию.

– Да, точно, – сказала Эмили. – Просто шторм меня немного напугал. Но я найду чем заняться. К тому же тете Морин слишком опасно добираться ко мне в такую погоду, а затем еще и карабкаться пешком по лестнице на двадцатый этаж. Правда, я в порядке.

Отец немного поколебался, прежде чем ответить:

– Хорошо. Но если я тебе понадоблюсь или что-нибудь вообще понадобится, просто звони. Поняла?

– Да. Спасибо, пап, – сказала Эмили. – Я побегу набирать воду, пока ее не отключили.

Она нажала на кнопку отбоя и с помощью подсветки экрана добралась до кухни. Там быстро отыскала фонарик «для экстренных случаев» и направилась в ванную.

Обычное дело во время отключений: наполнить ванну и любые другие емкости водой. Один из недостатков жизни в высотном здании заключался в том, что, когда электричество вырубалось, насосы, подающие воду в квартиры, вскоре останавливались. Если не запasti достаточно воды, можно устроить себе крупные неприятности.

Эмили открыла кран в ванной и пошла наполнять кастрюли и ковшики на кухне. Стоило ей покончить с последней большой супницей, как напор воды пошел на убыль. Еще немного – и закончится.

– Что ж, лучше, чем ничего, – вслух заметила девочка, завинчивая все краны.

Занимаясь делами, Эмили смогла отвлечься от бушующего за окнами шторма на пару минут. Но, лишь только смолк шум льющейся воды, в тишину квартиры тут же ворвались рокот грома и вой полицейских и пожарных сирен.

За окном ванной Эмили увидела очередную вспышку молнии и снова услышала раскат. Молния была настолько яркой, что девочка видела ее отсвет, даже закрыв глаза. Между вспышкой и грохотом не было паузы – а значит, разряд ударил совсем близко.

Стоило злобно загрохотать грому, как Эмили отошла от окна. На этот раз она последует совету отца и будет держаться подальше. Гроза зависла прямо над ее домом и усиливалась с каждой минутой.

Глава 2

Пэйлин в ужасе уставился на картину полного разрушения вокруг. Никогда прежде он не видел ничего подобного. Дворец лежал в руинах – как и все остальные строения вокруг.

Он пытался не отставать от защитников, но они ушли далеко вперед. Теперь оттуда доносился непрекращающийся грохот молний Юпитера, а горизонт то и дело вспыхивал яркими огнями. Бушевала ожесточенная битва – но она шла вдалеке от этой опустошенной земли.

Сердце Пэйлина дрогнуло, когда среди обломков он увидел Меркурия. Посланник лежал на боку, из его груди торчало копьё. Кровь перепачкала светлые волосы, лицо покрывали синяки. Пэйлин наклонился, чтобы проверить, жив ли он еще.

Веки Меркурия слабо затрепетали. Он поднял бледно-голубые глаза.

– Пэйлин, – выдохнул посланник богов, – все кончено? Они погасили Пламя?

Пэйлин задумался, не позвать ли на помощь. Но звать было некого. Насколько он видел, каждый вокруг либо умер, либо корчился в предсмертных муках.

– Думаю, оно все еще горит. Я видел, как остальные направились к храму.

– Мы должны остановить нирад! – Меркурий схватился за руку Пэйлина и попытался подняться. – Помоги мне встать.

Пэйлин помог Меркурию подняться на ноги. Встав, гонец рывком вытащил копье из груди. Рана открылась, из нее хлынула кровь. Ноги Меркурия подкосились, и он осел обратно на землю.

– Похоже, я отвоевался, – выдавил он.

– Ты неправ, – испуганно сказал Пэйлин, опускаясь на землю рядом с посланником и поддерживая его. – Меркурий, ты должен встать.

Гонец покачал головой:

– Слишком поздно...

Он начал кашлять. В уголках губ выступила кровь.

– Слушай меня, Пэйлин, – простонал Меркурий. – Тебе надо вступить в бой. Нирады не должны потушить Пламя.

– Мне? В бой? – эхом повторил Пэйлин: – Я не могу. Взгляни на меня, Меркурий. У меня нет никакой силы. Я не такой большой и мускулистый, как Геркулес, и не искусный воин, как Аполлон. Не владею оружием и даже вполсилы не так быстр, как ты. Все что я умею – это красть. Моя единственная способность – растягивать тело, чтобы сбегать из тюрем и протискиваться в узкие лазы. И ты знаешь, как я ненавижу это делать, потому что испытываю чудовищную боль. Я трус, и ничего больше.

Меркурий вновь схватился за руку Пэйлина и притянул его к себе.

– Послушай, Пэйлин. Я знаю, ты еще слишком молод, – выдохнул он. – И знаю, что ты не такой большой, как все мы, и не такой сильный. Но ты умен и намного храбрее, чем сам думаешь. Просто в отличие от других твоя храбрость пока скрыта внутри.

И вновь Пэйлин покачал головой:

– Ты просишь слишком много! Я вовсе не такой, каким ты меня представляешь. Я – ничтожество.

Прежде чем Пэйлин продолжил, Меркурий стиснул его руку:

– Ты особенный, Пэйлин. Возможно, тебе представился единственный шанс доказать это. Я знаю, ты никогда не считал себя настоящим олимпийцем. Но ты один из нас – а значит, и в тебе есть искра подлинного величия. Пришло время встать рядом со своими и защищать родной дом. Покажи мне, Пэйлин... – Меркурий закашлялся. – Покажи всем нам, на что ты способен.

– Но я... я... – запинаясь Пэйлин.

– Пожалуйста, – взмолился Меркурий. – Помогите нам.

Боевые кличи неистовых нирад наполнили воздух. Вскоре они будут здесь.

– Вторая волна врагов на подходе, – слабеющим голосом продолжил Меркурий. – Тебе нужно уходить отсюда. Возьми мои крылатые сандалии. Шлем потерян, но для полета и сандалий достаточно. Бери их и вступи в битву.

– Твои сандалии? – вскрикнул Пэйлин. – Я не могу! Они

работают только на тебе!

Павший посланник задохнулся от очередного приступа кашля. Его глаза подернулись дымкой.

– Я умираю, Пэйлин, – мягко сказал Меркурий. – И отдаю их тебе. Теперь ты волен повелевать ими. Они будут подчиняться твоим командам.

Испустив крик, полный страдания, Меркурий закрыл глаза и замер.

Пэйлин не мог поверить, что посланник мертв. Каким-то образом нирадам удалось убить одного из самых могущественных олимпийцев. Если погиб Меркурий, значит, могут погибнуть и все остальные.

Он осторожно положил бездыханного Меркурия на землю и начал борьбу с самим собой, размышляя над последними словами посланника. Часть его все еще хотела украсть уздечку Пегаса и смыться. Но другая задумалась: а что, если Меркурий прав? Не был ли Пэйлин чем-то большим, чем привык себя считать? Достанет ли ему отваги вступить в битву? Он всегда воровал – и только. Воровство было единственным искусством, которым он владел. Он не обладал силой других олимпийцев. И если нирады смогли повергнуть их, то у него-то какие шансы против них?

В конце концов Пэйлин решил, что бегство – единственный выход.

Почему он должен жертвовать собственной жизнью на войне, которая и так уже проиграна? Если Пегас до сих пор

не пал в битве, значит, пришло время сделать ход и заарканить жеребца.

– Прости, Меркурий, – с грустью сказал он. – Но ты ошибался. Я не тот, кем ты меня считал.

Наклонившись, он осторожно освободил ноги посланника от крылатых сандалий и обул их, надеясь, что Меркурий был прав, когда сказал, что они будут работать на нем.

За спиной Пэйлина слышались рев и хрюканье. Он в ужасе распахнул глаза: бесчисленное воинство нирад приближалось. Еще никогда он не видел их так близко. Огромные. Покрытые серо-мраморной кожей, на вид ничем не уступающей в прочности камню. Каждая из четырех рук размахивает оружием, а глаза полыхают убийственной ненавистью. Эти существа не собирались вести переговоры. И не планировали брать пленных. Все, что Пэйлин рассмотрел в их черных глазах-бусинках, – желание убивать. Увидав нападавших лицом к лицу, он понял, что всех их ждет. У них нет и шанса. Олимп обречен.

Пэйлин быстро опустил взгляд на сандалии.

– Летите, Юпитера ради, летите! – прокричал он.

Крошечные крылышки затрепетали. Пэйлин поднялся в воздух как раз в тот момент, когда подошли первые нирадские воины.

– Сандалии, прочь! – в панике завопил Пэйлин. – Плевать, куда. Просто прочь отсюда!

Сандалии Меркурия повиновались, и Пэйлин унесся от

неистовствующих ни-рад. Он слышал их гневный рев, когда они поняли, что упустили добычу.

Избежав непосредственной опасности, Пэйлин посмотрел вперед.

– Стоп! – приказал он.

Сандалии подчинились команде, и их новый владелец завис в воздухе. Он ошеломленно и недоверчиво взирал на опустошенные земли, раскинувшиеся прямо под ним. Пэйлин с болью отметил, что здесь не осталось ни одного нетронутого здания, ни единой целой статуи. Нирады уничтожали все.

– Вперед, – наконец сказал он. – Несите меня к Храму Пламени. Мне нужно найти Пегаса.

Чем ближе Пэйлин подлетал к храму, тем громче грохотали грома Юпитера и тем более яркие вспышки озаряли окрестности. Битва все еще бушевала, но уже достигла Храма Пламени.

Пэйлин видел все больше павших олимпийцев. Среди мертвых и умирающих не было нирадов. Ни одного. Казалось, что захватчиков не могут убить даже самые могущественные из богов Олимпа.

Взглянув вперед, вор заметил столб дыма вдаль. Пламя все еще горело. Приблизившись к сердцу битвы, Пэйлин увидел Аполлона и Диану, сражающихся спина к спине. Нирады окружили их. Диана выпускала стрелу за стрелой, но все они отскакивали от серой кожи захватчиков, не оставляя

на ней даже царапины. Аполлон орудовал копьем, но с тем же успехом, что и сестра.

Один из нирадов бросился вперед и сбил Аполлона с ног. Диана храбро сражалась, пытаясь отбить брата-близнеца. Но ее быстро оттеснили в сторону. Бесшумно пролетая над ними, Пэйлин услышал ее отчаянные крики, когда захватчики закололи Аполлона.

Пегас. Он должен найти Пегаса.

Сандалии унесли его от ужасающей сцены. Ближе к Храму Пламени Пэйлин увидел Юпитера, бьющегося на лестнице. С яростным ревом предводитель олимпийцев метал в нирадов шаровые молнии – безрезультатно. Захватчики неуклонно поднимались по высоким мраморным ступеням.

Пэйлин наконец-то заметил Пегаса. Жеребец встал на дыбы и отбрыкивался от нападающих. Его покрывала кровь, сочащаяся из бесчисленных колотых ран, которые нирады нанесли своим ужасным оружием, пытаясь сбить мощного жеребца с ног. Один из врагов прыгнул и глубоко вонзил копье в незащищенный бок стоящего на дыбах жеребца. Пегас пронзительно закричал от боли и опустился на четыре ноги, яростно пнув нирада золотым копытом. Но стоило раненому воину отползти в сторону, как его соратники двинули вперед, чтобы прикончить скакуна. Они схватились за крылья жеребца, пытаясь их вырвать.

Пегас продолжал сражаться, но его быстро превзошли в силах. Все больше и больше нирадов бросалось на жеребца,

придавливая его к земле. Когда скакун, наконец, упал, древнокопья в его боку отломилось, и наконечник еще глубже засел в плоти.

Пэйлин в ужасе смотрел, как нирадские воины набрасываются на Пегаса. Жеребец никак не мог выжить при таком натиске.

Вдруг появилась Диана. Разрезая воздух боевым кличем, она набросилась на нирадов, которые пытались убить Пегаса. Она разила их копьем своего брата; горе богини превратилось в неистовый гнев, и она использовала против врагов всю свою силу.

Один из нирадов обошел Диану и двинулся к голове жеребца. Но стоило четырем рукам коснуться золотой уздечки, как налетчик тут же взревел в агонии. Диана обернулась к нападающему и кинулась на него с копьем брата наперевес. И, в отличие от остальных попыток остановить нирадов, на сей раз копьё сработало: Диане удалось убить первого врага. С ее помощью Пегас поднялся на ноги. Но это была крошечная победа в проигранной битве.

– Пэйлин!

Нирады окружили Юпитера, который указывал на двери храма.

– Быстрее! – вскричал он. – Останови их!

Повернувшись к храму, Пэйлин увидел, как остальные нирады прорвались мимо защитников и поднимаются по мраморным ступеням.

– Останови их, Пэйлин! – вновь приказал Юпитер. – Они не должны погасить Пламя!

Пэйлин знал, что в тот момент, когда Пламя Олимпа потухнет, война закончится и Олимп падет. Но если даже сам Юпитер не смог остановить захватчиков, то что сможет сделать вор?

Пока Пэйлин решал, вступить в бой или нет, битва оказалась проиграна.

Нирадские воины снесли ворота храма и бросили их на ступени. Яростно завывая, они ворвались внутрь. Через секунду раздался тошнотворный звук падения постамента, на котором покоилось Пламя. Утробный победный рев заполнил воздух, когда захватчики принялись тушить его.

Вскоре все больше и больше нирадов начали покидать поле боя, взбираться по ступеням и помогать собратьям гасить Пламя. Выжившие олимпийцы могли лишь в ужасе смотреть на то, как рушится их мир. Пэйлин увидел, как Юпитер бросился к Пегасу. Схватив раненого жеребца, он указал в небо и что-то прокричал. Пегас всхрапнул и кивнул.

Через мгновение несколько выживших расступились, освободив площадку, чтобы Пегас смог расправить крылья. Резко вскрикнув, жеребец взмыл в воздух.

Сердце Пэйлина от волнения подпрыгнуло в груди. Вот он, идеальный момент. Наконец-то можно схватить уздечку и получить контроль над летающим жеребцом.

– Лети за Пегасом! – приказал Пэйлин сандалиям. – До-

ставь меня к жеребцу!

Глава 3

Закончив набирать воду, Эмили вернулась в свою спальню. Без электричества телевизора, радио и света не было. Так что, за неимением лучших вариантов, она отправилась в постель.

Эмили знала, что не сможет уснуть. Даже не будь шторм таким шумным, она все равно была на грани. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь оказался рядом. Мама знала, что делать в такие моменты. Но она умерла, и Эмили ничего не могла с этим поделать. Она осталась одна. И уже жалела, что не согласилась попросить тетю Морин прийти.

За окном вспыхнула очередная молния и ужасающе загрохотал гром. Эмили почувствовала, как здание содрогнулось. Но, прислушавшись, она уловила что-то еще, помимо грома. Прямо над ее головой ударилось о крышу нечто очень большое и тяжелое.

Они жили на самом верхнем этаже, и над квартирой не было ничего, кроме плоской крыши. Родители Эмили отдельно заплатили за доступ к ней, и мама разбила наверху большой цветочный сад и грядку с овощами. Но, с тех пор как она заболела и умерла, на крышу никто не поднимался. Эмили с тревогой подумала, что, возможно, до их дома долетел кусок антенны с Эмпайр-стейт. Или молния ударила в садовый сарайчик ее матери и опрокинула его.

Не позвонить ли отцу? Вдруг из-за молнии начнется пожар? Вдруг весь дом сгорит дотла? За окном лило как из ведра, но погасит ли дождь огонь, если он займется как следует? Вопросы порождали все новые вопросы, а вместе с ними и страх, так что сердце Эмили почти замерло в груди.

Сверху слышались новые звуки.

Как будто кто-то – или что-то – топало по крыше.

Подняв фонарик, Эмили затаила дыхание. Луч света скользнул по огромной трещине на потолке. Лампа покачивалась на кабеле. Хлопья краски и штукатурки медленно планировали вниз.

Эмили достала мобильник. Но, не успев нажать на кнопку быстрого набора, закрыла его. Что она скажет отцу? Что нечто большое ударило на крышу, и краска на потолке в ее спальне потрескалась? Может, он скажет ей немедленно покинуть здание. Но тогда ей придется пройти по погруженному во тьму коридору до лестницы, спуститься вниз на двадцать лестничных пролетов – и все для того, чтобы оказаться на улице, где хлещет дождь.

– Не-а, Эм, – сказала она себе. – Наверху ничего нет. Просто садовый сарайчик упал, и его дверь болтается на ветру.

Задолго до того, как Эмили смогла убедить себя, что ничего серьезного не происходит, стук наверху возобновился.

– Это безумие! – сказала она, одновременно выбираясь из-под одеяла и спускаясь с постели. – Ты не пойдешь наверх...

Но тело и разум будто бы не сообщались друг с другом. Чем громче разум Эмили призывал ее остановиться, тем решительнее тело намеревалось вылезти на крышу, чтобы разобраться с источником звука.

Эмили надела свой длинный дождевик, взяла ключи и пошла к входной двери. Подумав, она прихватила и бейсбольную биту, которую они держали в прихожей на всякий случай.

Освещая путь узким лучом фонаря, девочка вскарабкалась по лестнице. Она слышала приглушенные звуки шагов и тихое бормотание: обитатели дома в кои-то веки пользовались лестницей, чтобы добраться до своих квартир.

– Это глупо, Эм. Там наверху бьют молнии, – уговаривала она себя.

Но какая-то часть ее вновь не пожелала внимать голосу рассудка.

Поднявшись, девочка уткнулась в запертую дверь, ведущую напрямик на крышу. Сжимая биту в одной руке и фонарик в другой, Эмили попыталась вставить ключ в замок. Когда она наконец повернула ключ, дверь слегка приоткрылась. И тут же ветер вырвал ее из рук девочки. С ужасным грохотом дверь распахнулась настежь – ее чуть не сорвало с петель.

– Да уж, тихонько и незаметно, – упрекнула себя Эмили. Девочка шагнула под проливной дождь и начала шарить лучом по крыше, высматривая огонь. Прошел почти год с тех

пор, как она последний раз была здесь. Сад довольно сильно зарос. Неизвестная лоза проросла на некогда ухоженных клумбах и опутала их.

Грядка и вовсе превратилась в нечто неузнаваемое. В темноте, посреди шторма, Эмили видела не тот сад, который знала и любила. Он обратился темным и пугающим местом, полным тайн и опасностей.

Сквозь шум хлещущего по крыше дождя Эмили расслышала какой-то другой звук. Топот. Только на этот раз он повторялся чаще. Вслушиваясь через грохот ужасной погоды, девочка уверилась, что кто-то или что-то поскуливает, словно плача от боли.

Осторожно пробираясь вперед, она водила лучом по дикому саду. Целый участок справа от Эмили зарос розами. Мамина гордость и отрада. Каждое лето без исключений их квартиру наполнял аромат свежих цветов, срезанных мамой на крыше поутру. Но теперь розовые кусты одичали и выросли по всей крыше.

Какое-то движение в цветах привлекло внимание Эмили. Направив свет в ту сторону, она увидела, как ей показалось, блеск золота. Придвинувшись ближе, девочка пошарила лучом по кусту. Вот! Снова золотой блеск. Сделав очередной нервный шаг, Эмили подняла битву:

– Кто бы ты ни был – а ну, выходи!

На очередном ее неуверенном шаге в небе вспыхнула молния. Мгновение крышу заливал яркий белый свет. И то, что

Эмили успела увидеть среди роз, было просто невозможно.

Она отступила назад, споткнулась и растянулась на крыше.

– Это не вправду! – сказала она себе. Поднявшись на четвереньки, Эмили потянулась к фонарику. – Ты видела не то, что подумала. Просто проделки шторма. Вот и все!

Посветив фонариком в кусты, она почувствовала, как сильно колотится сердце, – так, что она вполне может потерять сознание. С трудом поднявшись на ноги, Эмили крадучись двинулась вперед.

– Неправда, Эм, неправда, – раз за разом повторяла она, подходя все ближе. – Ты ничего не видела!

Но луч фонаря нашел свою цель, и отрицать очевидное стало невозможно.

Это была самая настоящая правда.

Посреди розовых кустов лежал огромный белый конь. Одно из его копыт поблескивало золотом в луче фонаря. У Эмили перехватило дыхание. Золотое. Направив луч выше, она оторопела еще больше. Крыло! Огромное, покрытое грязью, листьями и лепестками роз, но безошибочно узнаваемое по длинным белым перьям.

– Нет! – вскричала Эмили. – Невозможно!

Еще одна молния озарила крышу, подтвердив то, во что Эмили так старательно не верила.

Белый конь с золотыми копытами и громадным белым крылом лежал на боку посреди розовых кустов ее матери.

Оцепенев и едва дыша, Эмили недоверчиво уставилась на животное.

Под ее взглядом крыло коня шевельнулось, и тут же раздался вскрик боли. Он поразил Эмили в самое сердце. Животное страдало. Не обращая внимания на острые шипы, впившиеся в кожу, Эмили бросилась в кусты и начала отгибать ветви от раненого коня.

Она расчистила себе путь, чтобы подобраться к голове животного. Лежащее на крыше, оно оказалось в плену у розовых кустов: злобные шипы вонзились в его нежную кожу.

Эмили сама вскрикивала от боли, пока пыталась освободить голову коня от жестоких стеблей, – шипы впивались в тело девочки. Животное пришло в себя и взглянуло на нее огромным черным глазом.

– Все в порядке, я не причиню тебе вреда, – успокаивала девочка. – Через секунду я тебя освобожу. И если ты не сильно ранен, то, может быть, сумеешь встать.

Когда бóльшая часть головы коня оказалась свободной, он попытался встать – и жутко закричал при первой же попытке пошевелить крылом.

– Стой, подожди! – Эмили протянула руку и погладила дрожащую шею коня: – Не двигайся. Дай я посмотрю, что там.

Эмили продолжила гладить сильную, теплую шею, другой рукой поднимая фонарик и водя лучом по телу животного. Со своего места она видела одно крыло, но не могла разглядеть

другое.

– Как я понимаю, крыло у тебя не одно?

Конь вскинул голову и посмотрел на нее. В его глазах была мольба о помощи.

– Нет, – тяжело вздохнула девочка. – Конечно, нет.

Вскоре Эмили освободила коня из зарослей. Подняв фонарь, она увидела верхний край второго крыла. Только торчало оно под странным углом, придавленное телом коня.

– Второе крыло под тобой, – объяснила она. – Но, думаю, ты и так уже это знаешь.

Разобравшись с последними ветками, девочка вернулась к голове.

– Я сделала все, что могла, но теперь мы должны поднять тебя, чтобы освободить крыло. Если я обойду тебя и подтолкну, ты попытаешься встать?

Словно бы отвечая на ее вопрос, конь кивнул.

– Эм, по ходу ты слетаешь с катушек, – пробормотала девочка. – Это же лошадь. Она тебя не понимает.

Эмили опустилась в скользкую грязь и погладила бок коня.

– Окей. Прости, но, скорее всего, будет больно. Когда я начну толкать, попробуй подняться.

Уперев руки в спину животного, Эмили подалась вперед и принялась толкать изо всех сил.

– Сейчас! – прохрипела она. – Вставай!

Девочка почувствовала, как лошадиные мускулы напряг-

лись под ее ладонями: конь попытался подняться.

– Вот так! – Напрягая силы, Эмили чувствовала, что ее колени начинают подгибаться. – Продолжай! Ты сможешь!

Навалившись на коня всем весом, девочка ощутила, как он зашевелился. Но, когда животное перекаатилось, придавленное крыло резко высвободилось и хлестнуло ее по лицу. Эмили вскрикнула, ее отбросило в розовые кусты. Лежа посреди них, она чувствовала, как злобные шипы, прорвав джинсы и дождевик, втыкаются в кожу.

Но она тут же забыла о боли: вспышка молнии озарила коня, стоящего на ногах и смотрящего на нее. Несмотря на грязь и листву на его теле, спутанную гриву, бесчисленные порезы и ссадины от шипов, Эмили все равно задохнулась от восхищения. Она в жизни не видела ничего более удивительного.

С того самого мига, как она обнаружила коня на крыше и увидела его крылья, на языке Эмили вертелось имя. Давным-давно позабытое имя из старой книжки мифов, которую ей читала мама. Переживая за коня, она отбросила все прочие мысли. Но теперь они потоком хлынули назад. Выпутавшись из кустов, Эмили ступила на свободное место. Жеребец шагнул к ней.

– Это и вправду ты? – тихо прошептала девочка, бесстрашно поглаживая мягкую морду. – Ты ведь Пегас? То есть – всамделишный Пегас.

Жеребец, казалось, на секунду замер. Затем ткнулся в ее

руку, приглашая погладить его еще. И в это исхлестанное дождем мгновение Эмили почувствовала, как меняется ее мир.

Навсегда.

Глава 4

Пэйлин пришел в себя. Тело одеревенело и тут же отозвалось болью. Спина словно горела огнем, каждый мускул протестующе стонал.

Вокруг раздавались мягкие звуки голосов. Не открывая глаз, Пэйлин взял паузу, чтобы осознать, что же с ним произошло. Последнее, что он помнил, – он догоняет-таки Пегаса и тянется к его золотой уздечке. Кажется, он даже стащил ее с жеребца, почувствовал ее вес в своих руках... А потом – ослепительная вспышка...

И все погрузилось во тьму.

Открыв глаза, Пэйлин понял, что лежит на кровати в очень странной комнате. Белые стены без всяких украшений. И странный запах. Справа стояла еще одна кровать, но она пустовала. За большим окном все еще бушевал шторм. Зрелище вспышек и грохот потрясли Пэйлина. Судя по ходу сражения, он думал, что все уже должно было закончиться.

Вор отвернулся от окна. Его взгляд наткнулся на кучу странного попискивающего оборудования, мигающего огоньками. Но куда больше его обеспокоили висящие над головой прозрачные пакеты с жидкостью, стекавшей по трубке, которая была буквально *воткнута* в его левую руку.

– Доктор, он очнулся, – сказала женщина в изножье кровати.

Пэйлин сфокусировал взгляд на мужчине в длинном белом халате, подошедшем к койке.

– С возвращением в мир живых, молодой человек. Я доктор Бернштейн, а вы в больнице, в Белвью. Мы уже думали, что потеряем вас. Падение было довольно неприятное.

Пэйлин не сказал ни слова, а мужчина склонился над ним и посветил ярким фонариком в глаза. Закончив, он потянулся и присвистнул:

– Будь я проклят, если знаю, как вы это делаете. Но поправляетесь вы быстрее любого пациента, которого мне приходилось лечить. Такими темпами ваши сломанные кости вот-вот срастутся. А ожог на вашей спине заживает практически на глазах.

Выключив фонарик, мужчина сунул его в нагрудный карман.

– Так, а теперь – можете назвать свое имя?

Стоило Пэйлину открыть рот, как свет в палате мигнул и потускнел.

– Надеюсь, генераторы еще работают, – сказала женщина, взглянув на светильники. – Я слышала, что отключение затронуло весь город. Поговаривают, такое же серьезное, как и в семьдесят седьмом.

Пэйлин понимал слова, но не их смысл. Что такое «отключение»? В семьдесят седьмом – чем? Что это все значит?

– Генераторы в порядке, Мэри, – сказал доктор Бернштейн. Он протянул руку и ободряюще коснулся руки Пэй-

лина. – Больница потратила целое состояние на обслуживание вспомогательных генераторов. Так что беспокоиться не о чем: электричества у нас навалом и вы в полной безопасности.

Пэйлин как раз собирался спросить, где он находится, когда в комнату вошел еще один человек. Одетый в черное, он направился напрямиком к кровати.

– Офицер Джейкобс, четырнадцатый участок, – сказал человек, показывая полицейский жетон. – Меня вызвали, чтобы прояснить ситуацию с вашим таинственным пациентом. Так это – тот самый молодой человек, который свалился с неба?

Доктор и медсестра кивнули.

– Доктор Бернштейн, – представился врач и протянул руку. – Это сестра Джон-стон. Что касается моего пациента, то его имени я пока не знаю. Как раз собирался спросить.

Офицер Джейкобсон открыл свой блокнот.

– Позвольте мне. – Он повернулся к Пэйлину: – Итак, юноша, можем ли мы узнать, как вас зовут?

Глубоко вздохнув, Пэйлин церемонно воздел руку и поклонился – насколько это можно проделать, лежа в постели:

– Пэйлин Великолепный, к вашим услугам.

– *Пэйлин Великолепный?* – эхом отозвался доктор Бернштейн, пока его брови ползли на лоб. – Пэйлин Удачливый подошло бы больше.

Врач повернулся к офицеру полиции:

– Этого юношу обнаружили на перекрестке Двадцать Шестой и Бродвея. В скорой решили, что он был на костюмированной вечеринке, стоял слишком близко к окну, и потому в него ударила молния. Подумали, что он вывалился. Мы всю ночь имеем дело с ожогами от молний и поражениями электрическим током. Но, должен признать, большинству пострадавших повезло гораздо меньше.

– Вас ударила молния? – спросил офицер Джейкобс Пэйлина.

Пэйлин напрягся, возвращаясь к последнему моменту, который запомнил, и сдвинул брови:

– Возможно, но я не уверен.

Офицер Джейкобс начал делать записи.

– Хорошо, Пэйлин, можете назвать свою фамилию? Откуда вы, где живете? Мы должны уведомить родственников, что вы в больнице.

Пэйлин посмотрел на обоих мужчин, обвел взглядом комнату. Внезапно пробудившийся воровской инстинкт посоветовал не рассказывать им больше ничего ни о себе, ни о том, откуда он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.